

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-8-15

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА СОЗДАНИЯ ТЕКСТА

Кошечая И.Г.¹, Макарова В.А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² *Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)*

125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу категории художественного времени, которое авторы впервые рассматривают в качестве структурно-образующей базы текста любого жанра. В статье анализируются актуальные подходы к пониманию природы текста, выделяются и описываются характерные признаки текста, принятые в современной науке. Впервые даются структурные характеристики художественного времени с выделением трёх его временных фаз: собственно времени, антивремени и псевдовремени – с которыми художественное время постоянно контактирует. Введение категории художественного времени позволило разграничить понятия текста и текстового высказывания и расширить существующие точки зрения на природу текста.

Ключевые слова: текст, текстовое высказывание, интенция, сюжетная перспектива, собственно время, антивремя, псевдовремя, художественное время.

LITERARY TENSE CATEGORY AS FUNCIONAL DOMINANTA OF TEXT FORMATION

I. Koshevaya¹, V. Makarova²

¹ *Moscow Region State University*

10a, Radio str., 105005, Moscow, Russian Federation

² *Moscow Aviation Institute (National Research University)*

4, Volokolamskoe ave, 125993, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article presents the analysis of the literary tense category which is considered as a structural-forming base for texts of all genres. Current approaches to understanding the nature of the text, characteristic features of the text accepted in modern science are identified and

described in the article. For the first time structural characteristics of literary tense are identified and three main time phases with which the literary tense is constantly in contact are singled out, namely the proper tense, the anti-time and the pseudo-time. The introduction of the literary tense category allowed us to distinguish between the concept of text and textual utterance and expand existing views on the nature of the text.

Key words: text, textual utterance, intention, subject perspective, proper tense, anti-time, pseudo-time, literary tense.

Как известно, у истоков формирования лингвистики текста стоят такие крупнейшие учёные, как А.А. Потебня, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский и др., которые при рассмотрении проблем синтаксиса указывали на наличие в языке грамматических структур, превышающих предложение, таких как, например, абзацы, изучение которых позднее привело, во-первых, к рождению новых терминов типа «сверхфразовые единства» (СФЕ) и, во-вторых, к их изучению в отношении к фразе и высказыванию.

С 80-х гг. прошлого столетия внимание лингвистов стало расширяться, переходя за рамки сверхфразовых единств в область изучения текста, который до этого времени был в основном объектом литературоведения, т. е. относился к филологии и рассматривался как художественное направление в плане его композиции. При этом следует иметь в виду, что именно текст как произведение речевого творчества традиционно ещё с древнейших времен был детально изучен как объект риторики, определяющей особенности речи по её психологическому воздействию на реципиента как получателя информации.

Отсюда пошло изучение текста, связанное с его литературоведческой интерпретацией, но сблизившееся с языкознанием в плане рассмотрения стилистических закономерностей. В итоге этот процесс и бурно развивав-

шееся изучение текста вылились в новое направление лингвистики, а именно, в лингвистику текста.

И первой проблемой встал вопрос отнесённости текста к области языка или речи, который возник сразу после введённого Ф. де Соссюром разделения языковой материи на язык и речь [9, с. 84]. До этого разделения текст в любом его родовом выражении (лирическом, эпическом, драматическом) и в отнесённости к любой сфере деятельности человека (риторике, документалистике, научно-технической и производственной информатике, периодике и т. д.) трактовался как единица языка. Но с выделением речи в отдельный уровень, который служит цели индивидуального воспроизведения системы языковых правил, оказалось, что текст как нельзя лучше отвечает этим требованиям.

Текст создаётся человеком на основе языковых правил, причём такое их использование всегда индивидуально, т. е. оно не выходит за пределы этих системных правил, нормативно вписываясь в них, хотя представляет собой их конкретно избирательную реализацию. Поэтому если язык – это система, то речь – это норма, которая существует на основе системы. Следовательно, текст, согласно мнению таких крупнейших языковедов, как Л. Блумфилд [2, с. 306], Р. Якобсон [10, с. 87], Э. Сепир [8 с. 198] и др., должен относиться к уровню речи. Это положе-

ние привело к необходимости постановки вопросов, которые составляют или, точнее, должны составлять фундамент грамматики речи. Так же, как и грамматика языка, грамматика речи существует для того, чтобы стандартизировать выражение нашей мысли, «одевая» её образы в определённые модели, которые не допускают хаотичного использования имеющегося языкового инвентаря.

Грамматика речи, лежащая в основе построения текста от его начала до его завершения, собственно, представляет собой грамматику, которая диктует пишущему индивиду правила изложения его мыслей по моделям текстовой организации. Но поскольку сама грамматика речи как особая сфера реализации языка не была разработана и инвентарь её средств и категорий только начинал формироваться, то первыми шагами в этом направлении были попытки истолковать текст, с одной стороны, как конкретное авторское произведение, и в этом случае считать текст актуальной речевой единицей, а с другой стороны, выделить текст в абстрактную схему, приложимую к любому конкретному тексту, и в этом случае считать текст потенциально не языковой единицей конкретно-индивидуального творчества, а абстрактно-обобщённой речевой единицей. Для этого, однако, необходимо было создать так называемую модель текста, что представлялось, естественно, весьма сложной задачей, поскольку само понятие «грамматика текста» ещё не было определено в смысле составляющих её форм и категорий. Тем не менее австрийский языковед В. Дресслер первым вводит в лингвистику потенциального текста термин «текстема» для отличия абстрактно-обобщённого представления о тексте от индиви-

дуально авторского произведения [5, с. 58].

Рассмотрение текста сквозь призму современных научных данных позволило учёным толковать абстрактную схему текста как инвариант, который, будучи представлен в авторской интерпретации, выступает как один из общетекстовых вариантов. В дальнейшем А.Г. Баранов, анализируя текст как абстрактную языковую единицу через его функционально-прагматическую парадигму, предложил для его наименования термин «текстотип» [1, с. 27]. Особое внимание в этом плане заслуживает определение текста, данное проф. И.Р. Гальпериним, считавшим текст завершённым сообщением, объективированным в виде письменного документа, литературно обобщённым в соответствии с типом этого документа, состоящим из ряда особых единств, основанных на различных типах лексической, грамматической и логической связи и имеющих определённый модальный характер и прагматическую установку [3, с. 128].

Для предоставления полной картины характеристики текста считаем нужным сказать несколько слов о характерных признаках текста, к которым относится так называемая триада текстообразующих средств [4, с. 55]:

1. Интенция (или иначе – та целевая установка, которую автор намерен изложить в своём сообщении в виде его информативной базы).

2. Содержательная связность, позволяющая воспринимать текст в едином смысловом ключе, где все составляющие его объекты (действующие персонажи, ландшафты, эпизоды и т. п.) составляют общее полотно, рас-

крывающее и детализирующее целевую установку.

3. Последовательность изложения, которая не допускает случайной перестановки действия (за исключением специально вводимой автором рекуррентности).

Именно последовательность, как мы полагаем, в первую очередь должна давать каждому описываемому событию грамматическую оформленность в плане её временной соотносимости, т. е. рассматривать фактор текстового (или в нашем случае – художественного) времени ведущим.

Выделение этой триады признаков, характеризующих текст, не позволяет нам исключать его из сферы теории языка. Ведь даже если согласиться с мнением таких крупных лингвистов, как Л. Блумфилд, Р. Якобсон, В.А. Звегинцев и др., что любое сообщение независимо от его объёма является текстом, то принцип временной оформленности там обязательно имеет место. Но это не значит, что в текстах малого объёма (типа пословиц, поговорок, эпиграмм и др.) можно говорить об их художественном времени. На наш взгляд, в них действует фактор панхронизма, но это тема несколько иного характера. Считаем необходимым остановиться на выдвинутой нами теории двухуровневости текста, строящегося как синтез глубинных и поверхностных структур, где глубинные структуры позволяют создать кодово-схематичный макет текста по его содержательно-понятийным принципам, а поверхностные структуры, декодируя этот макет по языковым принципам, преобразуют языковую систему форм и категорий в речевую [6, с. 137]. В процессе это-

го преобразования категория художественного времени, основываясь на своём психологическом фундаменте, получает различную внутренне иерархическую выраженность, которая своеобразно включает в себя и панхронический фактор. Но включает его не как самостоятельно представленный, а как зависимый от контекста, т. е. вплетённый в более сложные фрагменты или, точнее, типы художественного времени.

Если исходить из вышесказанного, текст всегда бифункционален, так как относится к двум уровням: глубинному, ведущим компонентом которого является авторский ракурс, и поверхностному, ведущим компонентом которого является сюжетная перспектива [7, с. 24]. Являясь исключительно письменной единицей речи, содержащей такие аспекты, как композиционно-структурный, содержательно-семантический, семиотический и прагматический [7, с. 23], художественный текст как завершённое литературное произведение не может быть приравнен ни к предложению, ни к высказыванию, поскольку:

во-первых, он всегда озаглавлен, т. е. имеет опознавательный знак, занимающий в нем фронтально-предваряющую позицию;

во-вторых, он всегда письменно изложен в трёхступенчатой структуре своего построения, имея: 1. вводящую часть (начало); 2. смысл (ведущую часть – центрально-направленную); 3. завершающую часть (подводящую итог).

Наличие этих частей и названия совершенно не свойственно не только предложению, но и текстовому высказыванию, которое может быть не

только письменным, но и устным. В первом случае, в своей письменной форме, оно равняется одному или нескольким предложениям; во втором случае выступает как фраза, которая может быть простой, сложной или составной, но в любом случае не составляет логически завершённого текста и не базируется на авторском ракурсе. Текст всегда вписывается в границы художественного времени. Выйти за пределы вышеперечисленных компонентов, лежащих в основе текста, он не может. Высказывание же ничем не ограничено. К нему не применяются языковые закономерности, которые обуславливают формирование текста.

Поскольку тема статьи касается художественного времени, мы позволим себе изложить своё понимание этого неординарного явления, которое связано с психологическим восприятием текста. По нашему мнению, художественное время проявляет себя как на глубинном, так и на поверхностном уровнях текста, кодируясь через авторский ракурс и декодируясь через сюжетную перспективу соответственно. Мы считаем, что художественное время, преломляясь в художественном пространстве, существует (независимо от жанра литературного произведения) в трёх темпоральных фазах.

1. Фазе художественно реального или собственно времени, в котором реализуют себя моменты речи и осуществляется их слияние. Длительность такого момента речи психологически определяет границы реального художественного времени, воплотившего себя в том пространстве, которое остаётся художественно реальным, т. е. ещё не пройденным и поэтому со-

вмещаемым с тем моментом речи, который реализуется в нём.

2. Фазе художественного антивремени как особой части художественного времени, которая не имеет под собой художественно реального пространства, поскольку оно ещё не наступило и момент речи проявить себя в нём не может. Поэтому данная фаза по отношению к фазе реального времени является антивременем.

3. Фазе художественного псевдовремени, в котором момент речи относится к уже пройденному пространству. Он может быть всё ещё связан с этим пространством, но по отношению к собственно реальному времени выступает как время уже пройденное, т. е. не существующее и поэтому являющееся псевдовременем.

В этом плане мы подходим к факту лингво-психологического восприятия темпоральности, лежащей в основе художественного времени. При подобном восприятии мы считаем, что имеет место такое наиболее значимое явление, как различное сочетание художественного времени с речевой ситуацией, т. е. неоднозначное совмещение действия, где происходит, происходило или может происходить событие, запечатлённое в момент речи и поэтому позволяющее воспринимать художественное время в различном сочетании с пространством – от абсолютного слияния (как с собственно временем) до их полного или относительного разъединения (как это имеет место в антивремени и псевдовремени).

Текст имеет не только смысловые, но и структурные границы, определяемые художественным временем, выйти за рамки которого текст не может, т. к.

художественное время стабильно упирается на глубинном уровне в границы, определяемые авторским ракурсом, а на поверхностном уровне в границы, характеризующие сюжетной перспективой, и художественное время создаёт, по существу, ту базисную основу, на которой раскрывается мировоззренческая идея, упакованная в содержание и структуру текста. Таким образом, по нашему мнению, сам текст не выступает произвольным компонентом художественного структурного содержания, а является результатом рамок, в которых он находится, и художественное время является той смысловой доминантой, которая ограничивает ведущие компоненты, лежащие в основе текста, а именно его содержательно-семантическую, семиотическую, композиционно-структурную и прагматическую сущности. Именно поэтому вышеназванные компоненты текста не хаотичны и не произвольны: они относятся к языковым закономерностям, выйти за пределы которых автор не может, если в его задачу входит, чтобы написанный им текст воспринимался как литературное произведение. Поскольку эти принципы относятся к внутренним законам функционирования языка при его использовании в тексте, применение этих компонентов является обязательным внутренним законом создания произведения – человек не может их изменить, как не может изменить согласование падежей. Автор подходит к ним, исходя из практического опыта и из степени своей одарённости. Он как

истинный художник чувствует эти закономерности в той же мере, как любой человек, владеющий языком, по наитию чувствует необходимость использования грамматических законов согласования форм падежа, числа, рода (если он существует). Автор ощущает необходимость применения этих внутренних закономерностей, т. к. если отсутствует хотя бы один из вышеназванных компонентов, лежащих в основе текста, то текст оказывается своего рода «хромающим» и поэтому не получает своего признания.

Основным же условием для реализации всех компонентов текста является художественное время, поскольку оно определяет границы текста, который только при использовании всех компонентов оказывается не хаотичным набором фраз, а их последовательно-коммуникативным единством, определяющимся рамками художественного времени. Это очень важное положение, т. к. оно относится к внутренним закономерностям функционирования языка, формирующим нормы его использования в каждом определённом жанре литературного текста. Таким образом, можно сделать вывод, что в создании текста любого жанра (драматического, поэтического, прозаического) ведущую роль играет художественное время, являясь структурно-образующим фактором и функциональной доминантой, которые определяют создание художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1993. 182 с.
2. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 2014, 606 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования, М.: Наука, 2013. 144 с.

4. Гринев-Гриневич С.В. Введение в лингвистику текста. М.: Радуга, 2016. 272 с.
5. Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: реферативный сборник. М., 1978. С. 55–73.
6. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. М.: URSS, 2012. 184 с.
7. Макарова В.А. Авторский ракурс как основа построения поэтического текста (на примере поэмы В. Шекспира «Венера и Адонис»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 169 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. М.: Прогресс, 2002. 656 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / изд. Ш. Балли, А. Сеше, А. Ридлингера, М.: Либроком, 2016. 256 с.
10. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 2015. 460 с.

REFERENCES

1. Baranov A.G. *Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta* [Functional-pragmatic concept of the text]. Rostov-on-Don, Rostov univ. press, 1993. 182 p.
2. Bloomfield L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ., 2014. 606 p.
3. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 2013. 144 p.
4. Grinev-Grinevich S.V. *Vvedenie v lingvistiku teksta* [Introduction to text linguistics]. Moscow, Raduga Publ., 2016. 272 p.
5. Dressler V. Introduction to text linguistics. In: *Problemy teorii teksta: referativnyi sbornik* [Problems of the theory of the text: abstract collection]. Moscow, 1978. pp. 55–73.
6. Koshevaya I.G. *Tekstobrazuyushchie struktury yazyka i rechi* [Text-forming structures of language and speech]. Moscow, URSS Publ., 2012. 184 p.
7. Makarova V.A. *Avtorskii rakurs kak osnova postroeniya poeticheskogo teksta (na primere poemy V. Shekspira «Venera i Adonis»): dis. ... kand. filol. nauk* [Author's foreshortening as a basis of construction of the poetic text (study of the William Shakespeare poem "Venus and Adonis"): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2007. 169 p.
8. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Ed. 2nd. Moscow, Progress Publ., 2002. 656 p.
9. Saussur F.de. *Kurs obshchei lingvistiki, izdannyi SH. Balli i A. Seshenhaye pri uchastii A.Riedlingera* [Course in General linguistics, published by S. Balli and A. Sechenhay with the assistance of A. Riedlinger]. Moscow, Librokom Publ., 2016. 256 p.
10. Yakobson R.O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 2015. 460 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кошечая Инна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: svidridova.l.k@hotmail.com

Макарова Вера Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры И-12 факультета иностранных языков Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: belief-m@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna G. Koshevaya – PhD in Philological sciences, professor, professor of the methods of language teaching department of Moscow State Pedagogical University;
e-mail: sviridova.l.k@hotmail.com

Vera A. Makarova – PhD in Philological sciences, senior teacher at the department I-06 of the faculty of foreign languages at Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: belief-m@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кошечая И.Г., Макарова В.А. Категория художественного времени как функциональная доминанта создания текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-8-15

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

I. Koshevaya, V. Makarova. Literary time category as text functional dominant. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics. 2017, no. 4, pp. 8–15.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-8-15